

Евгений Плоткин

Питер - Рига

ПИТЕР – РИГА

Поезд Питер – Рига. На станции с бодрящим названием Пыталово протопал табун российских погранцов. «Что везете? Личные вещи? Личные вещи... Ну, ладно». Это на обратном пути, из Латвии, они возбуждятся и засуетятся, а пока – почти пастораль и благолепие.

И вот Карсава. Нам выдали короткие анкеты, обычная пакость – фамилия, имя, номер паспорта. Пришел латышский пограничник, паренек лет двадцати, глаза серо-голубые, темно-зеленый мундир, галстук, берет. Посмотрел на мой израильский паспорт, на анкету, на меня, потом снова на анкету и, задумавшись, спросил по-русски с легким, но типичным акцентом: «Цель Вашего приезда?» Сердце на секунду отбило стаккато, а язык впрягся в упряжку мыслей. Цель приезда? Ну, что тебе сказать, пацан?

Я знаю, поезд придет на Центральный вокзал. Паровоз встанет у круглого здания перед выходом на перрон. Здесь останавливался 20-й вагон московского поезда. В этот вагон продавали билеты отъезжающим насовсем. Пацан, ты знаешь, что такое отъезжающие насовсем?

Ты знаешь, как колотит от предчувствия расставания? Ты знаешь, как стучит в висках от того, что вот сейчас отойдет поезд и родное лицо растворится в пространстве, оставшись лишь в тебе и в гэбэшных архивах. Эти ребята, кстати, тут же: фиксируют, бдят, гады. Не страшно было лишь глупому...

Парень, ты тоже бдишь – ты их внучатый племянник по побочной линии. Линия – она и есть линия: хоть прямая, хоть кривая, как штопор – а точки все равно соединяет... Ты знаешь, что такое ждать перлюстрированных писем из-за бугра? Ты вообще знаешь, что такое «бугор»? Что такое «перлюстрация» ты, наверное, выучил.

Так что ты хочешь – цель приезда?

Я хочу постоять около бывшего 20-го вагона и чтоб меня никто не трогал. Никто! Стоять и вспоминать. Холодной водой накатят 80-е годы, перрон заполнится людьми, будут слезы, нервы, напряженные и ожидающие лица. Потом все это растает, как в медленном стекле, и вернется реальная жизнь другого века.

Я хочу выйти на залив, скинуть кроссовки и босиком подойти к морю. Море будет холодным, но перед кромкой воды будет длинный, мелкий и обязательно теплый, как детство, заливчик. Какой-нибудь карапуз уже построил около него свой песочный замок. Он счастлив, он не читал и не будет читать Слуцкого:

*Я строю на песке, а тот песок
Еще недавно мне стеной казался.
Он был стеной, везде стеной остался,
А подо мной распался и потек.*

Балтийский вялый прибой оставит на песке темные волнистые полосы. Нагнуться бы и пройти километра три – обязательно будет янтарь.

Это у тебя может его и не будет, а у меня – полный кулак мелкой светящейся крошки. Я хочу вспомнить, как ко мне подходили отдыхающие и спрашивали: «Что ты ищешь, мальчик?» Я показывал янтарь и изумленные отдыхающие спрашивали: «А как, а зачем? а цель? а смысл?» Совсем как ты! Ну как им объяснить, что такое страсть, когда тебе 12, а они уже знают все про эту жизнь. Я говорил: «Соберу миску, продам, куплю себе велосипед». Они, как правило, верили в эту чушь, поскольку она звучала в унисон их мыслям.

Что бы тебе ответить такое, парень? Такое, чтобы в унисон?

Я хочу сойти в Лиелупе и пройти по лесной дорожке к морю. Дороги-то 15 минут, но это если идти вперед к морю, а если назад по времени – то можно и не дойти... Я помню эту развилку, справа росла особенно крупная черника. Но осторожно, там можно напороться на медянку.

Ты знаешь, что такое медянка и как она шуршит по песку?

слева росли маслята, я знал каждый гриб на этих тропах, чувствовал их душу, а они – мою. Может, и сейчас там кто-то растет. Я хочу почувствовать, тронет меня или нет тот же ветер восторга, что будил воображение, пьянил и завлекал в лето, как в омут.

Ты знаешь, что значит «В тихом омуте черти водятся»? Как это будет латышски?

Цель приезда... Вот попробуй, поговори на иврите, а потом вернись в Латвию, где все говорят не по-русски, а ты все понимаешь, не вслушиваясь...

Ты знаешь, какой это кайф – чувствовать язык не головой, а любым другим местом?

Цель приезда?...

Я могу тебе рассказать, как детьми подходили к киоску и просили газету «Ri-i-gas Va-a-lls». Продавщица всегда покупалась на этот трюк и давала «Вечорку» на латышском. И тогда мы просили: «Uz kr-i-evu, l-u-udzu» («по-русски, пожалуйста»). Убогая шутка – но сколько радости может доставить школьнику удивленное лицо киоскерши из «Союзпечати»!

Союзпечатать, союзпечатать... что это за слово, что за язык? Не латышский – точно, но и на русский сейчас не очень похоже. Как тебе объяснить, парень, что такое «вопросы языкознания»? Ты даже не знаешь, как тебе повезло, что ты этого не знаешь...

Я хочу прийти к своей школе, но не входить в нее. Входить – слишком мучительно. Там, за углом, на Дзирнаву, была кондитерская. Я хочу спросить у продавщицы: «Есть ли у вас краковские пирожные?» А она ответит: «Нет». И я спрошу: «А бывают ли у вас краковские пирожные?» А она ответит: «Нет, ни разу, я уже давно здесь работаю, ни разу...» И я спрошу: «А как давно – это давно?» И она ответит: «Почти три года...» Я скажу: «Liels paldies» – «Спасибо», и пойду на улицу. Последнее краковское пи-

рожное здесь я съел лет 20 назад.

Ты знаешь, что такое краковские пирожные с улицы Дзирнаву?

Я выйду на улицу и втяну сырой воздух. В руке наверняка должен быть портфель с учебниками. Я сожму невидимую ручку невидимого портфеля и подумаю: «Тяжелый, сволочь».

Интересно, что сейчас носят рижские школьники? Если повернуть на родную улицу Петра Стучки – как же она сейчас называется? – то будет «Антиквариат». Говорят, он выжил, и там даже работают несколько прежних продавщиц. Зайти или нет? Может, узнают?

Помню, я заходил в него уже пару лет назад. Продавщица смотрела на меня, как на привидение. Я узнал ее и сказал: «Вы меня помните?» Она сказала: «Помню», и я поверил. Я купил какую-то книгу по искусству, как в старые времена – нельзя нарушать традиции.

Парень, я хочу снова зайти в этот магазин, в этот чудом уцелевший осколок времени, я хочу снова увидеть ту продавщицу, я хочу вспомнить ее имя!

На углу Дзирнаву и Барона продавали беляши. Жирные, пахучие беляши по 17 копеек. Парень, ты можешь себе представить 17 копеек?

Я хочу прийти на этот угол и съесть беляш. Я знаю, «Пирожковой» там больше нет, но беляши кое-где сохранились. Я куплю его и съем, весь его холестерол, все его жиры и углеводы. Тупая тяжесть в правом подреберье отстучит фразу: «Ты дома».

Ты наверняка не знаешь, что такое тяжесть в правом подреберье, у тебя все еще впереди!

Так сколько, интересно, тебе лет? Лет 19-20, наверняка, мое институтское время. Нет, это не подойдет, это уже универ, мат-мех, Ленинград, платформа для коричневой пены 90-х годов: «оккупант», «мигрант», «перекати-поле», и вот особенно любимое – «Иван, не помнящий родства». Кажется, тогда же, в 91-92, появились штампики – в паспорте, не на руке... треугольнички, кружочки – лагерная геометрия...

Ну как тебе объяснить, как приятно возвращаться туда, где одна мразь уже сгинула, а другая еще не появилась!

Туда ли я еду?

Так тебе 20 лет? У тебя есть друзья? Давай я спрошу тебя, с кем из них ты встретишься через 30 лет. А я еду к своим. Мы обнимемся, сядем, выпьем, и я буду смотреть на их постаревшие рожи и чувствовать тепло и свободу.

Наверное, ты любишь свободу, парень?

Я жду этой встречи, борюсь за нее, иду к ней. Ты знаешь, какую свободу чувствам дают общие воспоминания?..

Знаешь, какая мелодия у встречи, какой ритм у расставания, какая тональность у детской дружбы? Знаешь, какое счастье понимать, что Шпаликов в порыве гения был не точен:

*По несчастью или счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места...*

*Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того что ищем
Ни тебе, ни мне...*

Мы пройдем с друзьями по новым улицам Старой Риги к какому-нибудь кафе.

Ты чувствуешь, парень, Ригу? Какой у нее голос, аура, воздух? Ты ее знаешь?

Вот кошачий дом, а здесь англиканская церковь, а за углом Рижский замок, Шведские ворота, Торнис, бастионы. Я чувствую глину необожженного кирпича стен старого города, я вижу камни городского канала, я знаю проходные дворы и спрятанные каменные маски городских скульптур. Каретник на площади Гердера, он еще стоит? А фигурка лива на колонне у Домского, за 13-ю ступенями, еще не воссоединилась с финно-уграми?

Я пойду по диабазу мостовых, я найду этот диабаз и отобью кусочек детства себе на память, домой в Тель-Авив. Я возьму фотоаппарат и буду до безумия фотографировать душу города. Рижский модерн Эйзенштейна опьянит меня, а каштаны возле бывшей песочницы в бывшем Кировском парке отогреют.

Пограничник все стоял и ждал моего ответа. Хороший парень, глаза хорошие, нормальные глаза. Может, он и

поймет? Может, в самом деле поймет?!

Цель поездки, цель поездки...

Я сглотнул и твердо сказал: «Turisms».

